

Агеева Елена Андреевна

К ПРОБЛЕМЕ НАЛОГОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ РОССИИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматриваются проблемы налогового регулирования, предпринятого российским государством в период Первой мировой войны. Особое внимание уделяется изменению налоговой политики российского государства в подоходном налогообложении и налогообложении прибыли торгово-промышленных предприятий.

Автор также анализирует позицию торгово-промышленных кругов по вопросам налогообложения, отраженную в либерально-буржуазной печати.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2014/11/1.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2014. № 11 (89). С. 12-17. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2014/11/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

УДК 93/94

Исторические науки и археология

В статье рассматриваются проблемы налогового регулирования, предпринятого российским государством в период Первой мировой войны. Особое внимание уделяется изменению налоговой политики российского государства в подоходном налогообложении и налогообложении прибылей торгово-промышленных предприятий. Автор также анализирует позицию торгово-промышленных кругов по вопросам налогообложения, отраженную в либерально-буржуазной печати.

Ключевые слова и фразы: налоговая политика; Первая мировая война; подоходное налогообложение; налог на военную прибыль; торгово-промышленные круги; либерально-буржуазная печать.

Агеева Елена Андреевна, к.и.н., доцент
Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва
Ageeva_Elena_Andreevna@mail.ru

**К ПРОБЛЕМЕ НАЛОГОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ
РОССИИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ©**

Первая мировая война затронула все стороны российской общественной жизни: самым тяжелым образом отразилась на экономике страны, обострила социальные противоречия, привела к политическому кризису 1917 года. Перед государством встали многочисленные задачи по преодолению негативного влияния войны на состояние финансовой сферы, сокращению дефицита бюджета, пополнению золотовалютного запаса, поддержанию покупательской способности рубля.

Непреложным основанием финансового плана ведения войны являлось создание новых источников государственных доходов. Как отмечал выдающийся российский экономист М. И. Боголепов, у государства есть два кардинальных средства обращения к народному хозяйству за средствами – налоги и займы, причем в современных войнах они используются только в комбинированном виде [3, с. 23]. Неизбежным следствием вступления России в войну было расширение государственного вмешательства в экономические процессы. В целях стабилизации экономики и предотвращения финансового краха было предпринято налоговое реформирование.

Набор налоговых инструментов, применявшийся в годы войны, был разнообразным и во многом зависел от позиции торгово-промышленных кругов, политической ситуации, необходимости решения социальных проблем. Но главной задачей, которую преследовало царское, а затем и Временное правительство, было пополнение казны, покрытие многочисленных расходов, связанных с войной. Известно, что ежедневные расходы в 1914 году составляли 10 млн рублей, в 1917 – около 50 млн рублей. С развитием боевых действий финансовые затраты на ведение войны существенно возрастали. В 1914 г. (июль-декабрь) было потрачено 2540 млн руб., в 1915 г. – 9380, в 1916 г. – 15270, в 1917 г. (январь-февраль) – 3460 млн руб. [15, с. 226]. Выработка устойчивой и эффективной концепции налогообложения, оптимизация налогового бремени, создание благоприятных условий для предпринимательской деятельности, реализация принципа социальной справедливости – анализ методов и средств разрешения этих проблем делают **актуальной** заявленную тему исследования.

Необходимо добавить, что с задачей повышения эффективности налоговой политики российское государство и общество сталкивались неоднократно в своей истории. Эта тема является злободневной и в современной России. С начала июля 2014 года Правительство РФ обсуждает варианты оптимизации налоговой нагрузки, в частности, повышение НДС до 20% и возможность введения налога с продаж в размере 3%, так как стоит довольно острая задача сокращения дефицита государственного бюджета [1].

Целью настоящего исследования является анализ изменений налоговой политики российского государства, в частности в подоходном налогообложении и налогообложении прибылей торгово-промышленных предприятий, в период Первой мировой войны, а также позиции торгово-промышленных кругов по вопросам налогообложения, выраженной в либерально-буржуазной печати.

Источниками данной работы являются законодательные акты, статистические материалы, либерально-буржуазные периодические издания периода Первой мировой войны.

Финансовая система довоенной России была довольно сбалансированной и устойчивой. Эта стабильность определялась тремя факторами: бюджетным резервом, золотым запасом и возможностью получать внешние займы. Золотой запас Государственного банка составлял 1200 т золота, что было третьим показателем в мире после США и Франции. Бюджет, как известно, с 1907 года был профицитным. По бюджетной росписи на 1914 г. доходы были определены в сумме 3522 млн руб., расходы – 3303 млн руб. Налоги планировались по трем подразделениям: прямые налоги – 264,5 млн руб., косвенные налоги – около 710 млн руб. [10, с. 86].

Профицит бюджета позволял обходиться без усиления налогового пресса и реформирования налоговой системы. Введение подоходного налога, который в начале XX века уже был реальностью во многих европейских странах, в России затянулось на неопределенное время.

Война все изменила. Уже в первые месяцы после ее начала выяснилось, что ни доходы бюджета, ни финансовые резервы не смогут компенсировать предстоящие военные расходы. Кроме того, бюджетные поступления сократились вследствие введения «сухого закона», снижения поступления от таможенных сборов и резкого роста убыточности железнодорожного транспорта из-за повышения удельного веса бесплатных военных перевозок и сокращения коммерческих.

27 июля 1914 года Государственный банк объявил о приостановке размена бумажных денег на золото, резко увеличил эмиссию, а золотовалютный запас стал использоваться для обеспечения внешнего заимствования. За два года войны дефицит бюджета вырос более чем втрое [7, с. 296].

Позиционный и затяжной характер войны, финансовые трудности потребовали **реформирования налоговой системы**, которое происходило в несколько этапов. Рубежом в осуществлении налоговых реформ можно считать Февральскую революцию 1917 года, так как она серьезно изменила не только политические реалии в стране, но и перестроила принципы государственного регулирования экономики, методы и средства финансовой и налоговой политики.

С началом войны, уже во второй половине 1914 года, было произведено повышение различных прямых и косвенных налогов и пошлин: поземельных налогов и налогов с недвижимых имуществ, промыслового налога, гербовых, страховых и судебных пошлин, акцизов на табак, спички, сахар, нефть, пиво, были введены новые налоги на перевозку грузов, пассажиров и некоторых видов сырья, например, хлопка. С 1916 года были повышены акцизы на дрожжи, виноградные вина, байховые сорта чая. Наиболее существенными изменениями в налоговой сфере, осуществленными в первые 2,5 года войны, были реформа подоходного налогообложения и установление налога на разницу в прибылях торгово-промышленных предприятий.

Законопроект о подоходном налоге был выработан в 1906 году и внесен в Государственную Думу, но ни первый созыв, ни второй к обсуждению законопроекта не приступали. Государственная Дума третьего созыва его не одобрила, так как предполагаемая прогрессивная шкала налогообложения, как считают многие исследователи, затрагивала финансовые интересы многих депутатов [8, с. 216].

Непомерные расходы, связанные с участием в Первой мировой войне, потребовали возврата к **законопроекту о подоходном налогообложении**. 6 апреля 1916 года он стал законом и особых возражений торгово-промышленных кругов не вызвал. Реакция либеральной прессы свелась к идее неизбежности его введения с целью пополнения казны и борьбы с инфляцией. При начислении подоходного налога учитывались индивидуальные условия плательщика, например, наличие детей, нетрудоспособных членов семьи. Кроме того, налог был построен на декларативном принципе, то есть на подаче заявлений о доходе, а формы контроля были достаточно щадящие. Только те показания, которые податной инспектор считал сомнительными, плательщик обязан был подтвердить или объяснить [12]. Однако «Утро России» напомнила своим читателям, что нижняя ставка подоходного налога в 1907 году планировалась в 5%, тогда как законом от 06.04.1916 года она устанавливалась в 12,5% при годовом доходе свыше 400 тысяч рублей [18].

Наибольшую дискуссию в обществе вызвало введение так называемого **налога на военную прибыль**, или «временного налога на прирост прибылей торгово-промышленных предприятий и вознаграждения личных промысловых занятий» [11, с. 3]. Подобный налог был введен во многих воюющих странах, так как этого требовали огромные бюджетные расходы ввиду затянувшейся войны. Немаловажной была и необходимость хотя бы в ограниченных пределах следовать принципу социальной справедливости. Это требование выдвигалось широкой общественностью всех воюющих стран, заявлявшей о несправедливо приобретенных сверхприбылях определенными торгово-промышленными кругами. Действительно, прибыли предпринимателей, имевших в период войны казенные заказы, поражали воображение обывателей. Из ежедневных затрат на войну в 50 млн рублей прибыль поставщиков военных заказов составляла 10-20% [2, с. 230].

Либеральная пресса доводила подобные цифры до широкой публики и, в зависимости от интересов издателей, сопровождала развернутыми комментариями. Но и официальные органы Министерства финансов России не могли игнорировать данные о состоянии доходов и расходов, например, в текстильной промышленности. Податная прибыль предприятий этой отрасли в 1913 году составляла 23,465 тыс. рублей, в 1916 году – 73,435 тыс. рублей, прибыль на акционерный капитал – соответственно 11,9% и 32,7%, дивиденды – 18,761 тыс. рублей в 1913 году и 33,753 тыс. рублей в 1916 году. Наблюдается, таким образом, значительное увеличение прибыли и дивидендов [6, с. 191].

Введение чрезвычайного налога на прибыль осуществлялось в воюющих странах **двояким способом**. В одних странах налогообложению подвергался общий прирост дохода независимо от источника, в других (Англии, Франции, Италии) налог исчислялся с разницы между довоенными доходами и доходами, полученными во время войны. Российское правительство в этом вопросе последовало примеру союзных держав. **Законопроект от 13 мая 1916 года** предполагал взимание налога с торговых и промышленных предприятий, подлежавших публичной отчетности, чистая прибыль которых составляла более 8% на основной капитал. Таким образом, объектом обложения являлся прирост прибыли, рассчитываемый как разница между фактически полученной прибылью и прибылью, равной 8% на основной капитал. Предприятия, которые размер основного капитала не декларировали, подлежали обложению на других основаниях. Они должны были выплачивать налог в размере 20% от суммы разницы между собственной прибылью и средней прибылью для данной отрасли в определенном регионе (по пропорциональной шкале) [11].

Законопроект от 13 мая 1916 года имел, как отмечали экономисты того времени, **два существенных недостатка**. Во-первых, он не касался посредников, которые получали казенные заказы и передавали их

третьим лицам. Даже представители либеральной экономической школы, к которой относился И. М. Кулишер, член редколлегии журнала «Экономист» в 1914-1917 гг., считали прибыль посредников незаслуженной, так как они не имели собственных предприятий, а «наживались путем получения, благодаря своим связям, подрядов, которые они с крупным барышом передавали другим лицам» [8, с. 223].

С другой стороны, по законопроекту от 13 мая 1916 года, налог на прирост прибыли взимался и с разницы в вознаграждениях (жалованиях), получаемой высшей администрацией акционерных компаний. И. М. Кулишер считал, что в данном случае «закон чрезмерно расширял субъект обложения» [Там же], так как доходы этой категории наемных служащих уже были обложены промысловым налогом.

К 1917 году финансовое положение России существенно осложнилось. Долги союзным державам в 1917 году превысили 7,5 млрд рублей, проценты составляли 500 млн руб. золотом в год. Государство прибегало к расширенной денежной эмиссии, количество кредитных билетов в обращении за четыре года войны увеличилось в шесть раз, к февралю 1917 года рубль стал стоить 27 довоенных копеек, цены на товары выросли на 200-300%, общие расходы, связанные с войной, к февралю 1917 года составили 50 млрд рублей [15, с. 226]. Это обсуждалось на заседаниях Правительства, Государственной Думы и в периодической печати, в обществе все сильнее были настроения социального равенства и реализации принципа социальной справедливости.

В подобных условиях российское правительство пошло по пути усиления налогового бремени. Этому, без сомнения, способствовали изменившиеся политические условия: было ликвидировано препятствие в виде консервативного большинства Государственной Думы и Государственного Совета, произошла коренная ломка других государственных структур, общий настрой власти выражался в радикальном реформировании финансовой системы и усилении обложения доходов. Следует, однако, заметить, что далеко не все законопроекты Временное правительство успело провести в жизнь.

2 июня 1917 года специальным законом были пересмотрены условия взимания подоходного налога. Главное изменение состояло в пересмотре шкалы налогообложения – ставка была доведена до 30,5% с дохода, превышающего 400 тыс. рублей. Этого оказалось недостаточно. 12 июня 1917 года был введен еще и единовременный подоходный налог, взимавшийся в том же размере, что и основной [13].

Таким образом, подоходный налог теперь составлял 60% с дохода в 400 тыс. рублей. Нужно учитывать, что существовали и другие налоги (общегосударственные и местные), которые составляли около 22% дохода. Следовательно, могла возникнуть ситуация, когда сумма налоговых выплат равнялась бы всему доходу плательщика, а с учетом налогов с доходов, приносимых акциями, могла превысить 100% дохода. Исходя из этого, было решено, что сумма прямых налогов, государственных и местных, не должна превышать 90% дохода. Добросовестному налогоплательщику государство гарантированно оставляло всего 10% дохода! Кроме того, единовременный налог предполагалось применить как к физическим, так и к юридическим лицам, подвергая последних, как уже указывалось, двойному налогообложению. Сумма годового дохода в 10 тыс. рублей не подлежала налогообложению [Там же].

После Февральской революции было также предпринято реформирование налога на прирост прибылей торгово-промышленных предприятий. Однако в отношении этого налога правительство первоначально не пошло по пути повышения ставок. Было внесено предложение о замене этого налога ограничением прибыли предприятий путем изъятия в казну всей прибыли, полученной сверх определенной нормы. Известно, что подобная лимитация прибылей уже была введена в Англии, где 80% прибыли всех контролируемых правительством предприятий изымалось в доход государства. Этот проект вызвал множество возражений торгово-промышленных кругов. По результатам дискуссии было принято решение, состоящее в увеличении размеров налога на прирост прибыли. Оно было реализовано законом от 12 июня 1917 года об изменении оснований взимания и размеров временного налога на прирост прибылей торгово-промышленных предприятий [Там же]. Существенным новшеством было распространение этого налога и на лиц, извлекавших выгоду из переуступки принятых казенных заказов и поставок. При этом облагалась не разница в доходах по сравнению с довоенным временем, а вся сумма прибыли, полученная от подобной деятельности. Правда, по этому закону налогообложению подлежали только прибыли посредников, полученные в 1916 году, вся прибыль за 1914-1915 гг. оставалась необложенной.

Возникла еще одна проблема, характерная для российского законодательства. Это **проблема реализации закона**. Дело в том, что практически невозможно было установить ни факт посреднической деятельности, ни, тем более, размеры получаемых посредниками прибылей. При разработке законопроекта предполагалось, что сведения о договорах будут предоставлять казенные учреждения и банки, но в законе это положение отсутствует.

Бизнес-элита, недовольная и предыдущими проектами изменения налогообложения, протестовала и доказывала на страницах периодической печати губительность для экономики России подобных нововведений. **Возражения торгово-промышленных кругов** можно разделить на **принципиальные**, общие для всех реформ, усиливающих налоговое бремя, и **специальные**, направленные против конкретных законопроектов.

Принципиальные контрдоводы сводились к следующему: любое чрезмерное изъятие средств у предприятия с фискальной целью ведет к снижению инициативы и стимула роста производства у предпринимателей, к техническому застою и даже регрессу в экономике. Кроме того, либеральные экономисты исходили из реальности скорой победы стран Антанты в войне и оценивали трудности перехода экономики к мирному развитию. Дополнительное налогообложение, как указывал журнал «Промышленность и торговля», понизит производительность действующих предприятий, затруднит открытие новых, вызовет отток капитала за

границу, будет препятствовать трудоустройству демобилизованной армии и «сделает быстрый подъем национальной промышленности невозможным» [14, с. 267]. Тезис о «курице, несущей золотые яйца», неоднократно использовался при аргументации противников дополнительного налогообложения.

Либеральная печать констатировала, что, повышая ставки прямого налогообложения, Временное правительство стремилось не столько стабилизировать финансовое положение, сколько решить сиюминутную социальную задачу: «конфисковать военную прибыль 1916 года в пользу казны» [16, с. 1]. Но на самом деле, как утверждал экономист журнала «Промышленность и торговля», новые налоги ущемили не лиц, получивших большие прибыли, а предприятия, при помощи которых эти прибыли были получены. И это грозило промышленности и торговле полным разорением, так как были использованы сразу три теоретически возможных средства чрезмерного налогового пресса: высокое обложение имущих классов, конфискация прибылей и уничтожение самого объекта налогообложения. «Катастрофическое положение» предприятий усугублялось еще и тем, что многие из них уже распределили свои прибыли до опубликования постановления от 12 июня 1917 года.

Реакция либеральной прессы к лету 1917 года становилась все более истеричной, а требования пересмотра налоговых реформ – все более жесткими. Временное правительство запугивали возможностью «скупки иностранцами задаром» российской промышленности, задавленной налоговыми тисками, возвратом населения к временам «экономического варварства» из-за недостатка товаров, «развалинами русской промышленности» [Там же, с. 3].

Были еще и аргументы иного социально-политического характера. Февральская революция явочным порядком установила 8-часовой рабочий день, существенно расширила возможности профсоюзов в повышении заработной платы, которая непрерывно росла. На страницах либерально-буржуазной печати постоянно выдвигался тезис о сдерживании этого роста. «Тенденция издержек производства, среди которых заработная плата составляет основное ядро, к непрерывному возрастанию заставляет обратить внимание на несправедливость односторонней лимитации прибылей. Если необходим максимум, то необходим и минимум прибыли», – писал аналитик «Промышленности и торговли» [14, с. 268].

Оживленная полемика развернулась в печати по поводу реформирования налога на разницу в прибылях торгово-промышленных предприятий. Помимо общих соображений о губительности ограничения прибыли для бизнеса, высказывались и конкретные предостережения и предложения. Указывалось, что в короткий срок невозможно будет создать разветвленную фискальную организацию для контроля за прибылью отдельных предприятий. Аргумент резонный, если учитывать невысокий уровень правовой культуры (например, по сравнению с Англией) и чрезвычайность обстановки, вызванной войной и революцией.

Вместе с тем, предлагались **альтернативные варианты пополнения доходной части казны** за счет бизнеса. В частности, такие меры как пересмотр цен по казенным заказам, расширение действия твердых цен на предметы массового потребления, а также нормирование той части прибыли, которая может быть употреблена предпринимателями для личных целей. В этом случае предлагалось принудительно обращать излишки в капитал предприятия в виде государственных займов.

Ограничение прибылей, с точки зрения либеральных экономистов, особенно опасно было для России, экономика которой зависела от иностранных инвестиций. Высокая норма прибыли – единственная привлекательная для иностранного капитала сторона его работы в России. Как уже отмечалось, государство законом от 12 июня 1917 года ввело дополнительное обложение прибыли торгово-промышленных предприятий, не ограничив (количественно) сам размер прибыли.

Необходимо отметить, что существовала еще **проблема контроля за уплатой налогов**. Официальные налоговые органы утверждали, что даже в военное время, обеспечивался достаточно действенный контроль над прибылью как юридических, так и физических лиц, и был налажен исчерпывающий обмен информацией между всеми территориальными налоговыми органами. «Оказаться вне их поля зрения объекту налогообложения было сложно», – сообщал «Вестник Финансов, Промышленности и Торговли» [4, с. 115].

Однако следует учитывать, что неформально существовавший в дореволюционной России институт коммерческой тайны часто позволял скрывать от налоговых чиновников истинные размеры прибыли, фальсифицировать балансы деятельности акционерных компаний и, следовательно, избегать уплаты части налоговых сборов.

Отдельным в рассматриваемой теме является вопрос **эффективности** установленных в 1916-1917 гг. **налогов**. Как указывают многие исследователи, она была явно невысокой. По проекту бюджета на 1917 год налог на военную прибыль должен был составить 55 млн руб., а весь подоходный налог – 130 млн руб., что всего лишь в два раза превышало уровень налоговых поступлений в 1900 году. В то же время уровень прибылей за время войны превзошел довоенный в 6-7 раз [9, с. 238]. Налоговые поступления подобного размера, естественно, не могли оказать сколько-нибудь существенного влияния на доходную часть бюджета. Но такое положение не было характерным только для российской финансовой системы. Изучая бюджетное регулирование и финансовое планирование зарубежных стран, М. И. Боголепов отмечал, что податной доход в покрытия военных издержек играл достаточно скромную роль. Например, в Японии податной налог компенсировал 10% военных расходов и только в Великобритании покрывал треть из них. С точки зрения М. И. Боголепова, этот показатель зависел от двух факторов: степени состоятельности широких слоев населения отдельно взятой страны и совершенства национальной налоговой системы [3, с. 42].

В 1917 году российское правительство пыталось реализовать альтернативные проекты пополнения доходной части бюджета. С первых дней своего существования Временное правительство приступило к активной эмиссии бумажных денег, постоянно расширяя право Государственного банка на выпуск денежных знаков. Кроме того, Временное правительство приняло решение о выпуске облигаций по внутреннему займу на срок 49 лет с 5% годовых («займ Свободы»). В сентябре 1917 г. Временное правительство узаконило в качестве государственных денежных знаков купоны некоторых ценных бумаг, а также облигации военного займа и «займа Свободы». Положение о «займе Свободы» было скреплено подписями всех министров и содержало обращение к народу, чтобы на чувстве патриотизма и равнодушия к будущему страны привлечь как можно больше средств [5, с. 613]. Однако «займ Свободы» был воспринят обществом неоднозначно. Данные печати свидетельствуют о том, что патриотический потенциал во многом уже был исчерпан. «Утро России» сообщила, что подписка на займ в регионах часто проводилась насильно, путем «облавы на подписчиков» военными организациями с участием банковских служащих, которые даже «врывались в жилища граждан» [17].

К осени 1917 года экономическое положение России стало критическим. Комплексный кризис (транспортный, продовольственный, топливный, сырьевой) требовал решительных мер правительства по регулированию народного хозяйства. 24 июля (6 августа) 1917 года было создано второе коалиционное правительство. На заседаниях правительства, Демократического совещания, в печати обсуждалась и была принята к действию «**Демократическая программа 14 августа 1917 года**». Она была опубликована в разных изданиях и «ввиду ее особой важности» перепечатана «Новым экономистом» [19, с. 6-8]. Анализ программы показывает, что к осени 1917 года государство и общество созрели для решительных и чрезвычайных мер по регулированию социально-экономических процессов, не выходя, однако, за рамки признания частной собственности, возможности конкуренции и сохранения рынка. В области продовольственного вопроса и снабжения предлагалось последовательное осуществление государственной монополии на хлеб, сохранение твердых цен на продукты сельского хозяйства, а также установление их на основные промышленные товары. В сфере регулирования промышленности, транспорта и торговли отставалась необходимость деятельного вмешательства государства вплоть до принудительного синдицирования и трестирования.

В финансовой части программы содержалось одобрение уже проведенных в жизнь Временным правительством подоходного налога и налога на военную прибыль. Кроме этого, для покрытия чрезвычайных расходов государства требовалось провести реформу наследственного обложения, введение налога на прирост ценностей, налога на предметы роскоши, а также установить высокий чрезвычайный налог на имущество. Предлагалось также значительное повышение существующих налогов на предметы массового потребления и установление новых, преимущественно в виде финансовой монополии государства.

Другими мерами по стабилизации финансовой системы, намеченными «Программой 14 августа», были: принудительное размещение государственного займа, преобразование Государственного банка, сокращение эмиссии, нормирование прибыли и заработной платы, привлечение денежных средств населения, государственный контроль за частными кредитными учреждениями, строгая экономия расходов государственного казначейства и устранение всех непроизводительных расходов. Реализация этих мер была возложена на созданное 25 сентября (6 октября) третье коалиционное правительство, которое, как известно, было сметено революционной волной.

Таким образом, российское государство в период Первой мировой войны искало способы выхода из финансового кризиса, пополнения доходной части бюджета, не выходя за рамки рыночной системы хозяйствования. Как следствие этого курса, государство, с одной стороны, усиливало налоговое бремя, с другой, пыталось сохранить принцип свободы предпринимательства и хозяйственной инициативы, во многом способствуя получению торгово-промышленными кругами военных сверхприбылей. Однако к началу 1917 года стало очевидно, что подобный баланс уже не способен сохранить финансовую стабильность России. После победы Февральской революции были созданы более радикальные проекты в налоговой сфере, но осуществить их на практике Временное правительство не успело, так как в октябре 1917 года с рыночной системой хозяйствования в России было покончено. Далее налоговая система стала строиться совсем на иных принципах.

Позиция торгово-промышленных кругов по вопросам налогообложения, выраженная в либерально-буржуазной печати, состояла как в мотивации избавления бизнеса от чрезмерного налогового пресса в целом, так и в критике отдельных законопроектов правительства. Выдвигались аргументы экономического и социально-политического характера, которые были основаны на представлении о скорой победе стран Антанты в войне и ориентированы на специфику перехода к экономическому развитию в период мирного времени.

Торгово-промышленные круги на страницах либерально-буржуазной печати не только протестовали против усиления налогового бремени, но и предлагали альтернативные возможности пополнения казны, такие как пересмотр цен по казенным заказам, расширение действия твердых цен на предметы массового потребления, нормирование части прибыли торгово-промышленных предприятий. Однако не сработали ни правительственные проекты, ни предложения промышленных кругов. Эффективность налоговой политики в годы Первой мировой войны, особенно после Февральской революции, была недопустимо низкой.

Список литературы

1. **Аргументы и факты.** 2014. 23-29 июля; 17-22 сентября; 24-30 сентября.
2. **Бескровный Л. Г.** Армия и флот России в начале XX в.: очерки военно-экономического потенциала. М.: Наука, 1986. 235 с.

3. Боголепов М. И. Война, финансы и народное хозяйство. Пг., 1914. 58 с.
4. Вестник Финансов, Промышленности и Торговли. 1916. № 16.
5. Вестник Финансов, Промышленности и Торговли. 1917. № 13-14.
6. Вестник Финансов, Промышленности и Торговли. 1917. № 33.
7. Ковнир В. Н. История экономики России. М.: Логос, 2005. 472 с.
8. Кулишер И. М. Наше обложение в период 1914-1917 гг. // Экономист. Избранное / сост. А. Л. Погорельский, А. И. Черных. М., 2008. С. 212-243.
9. Маевский И. В. Экономика русской промышленности в условиях Первой мировой войны. М.: Дело, 2003. 288 с.
10. Министерство Финансов, 1904-1913. СПб., 1914. 180 с.
11. Налог на военную прибыль: Положение Совета Министров / Высочайше утвержден 13 мая 1916 г. М., 1916.
12. О государственном подоходном налоге // Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. Пг., 1916. № 106. Отдел первый. Ст. 838.
13. Об установлении единовременного налога // Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. 1917. № 147. Ст. 813.
14. Ограничение прибылей и будущее нашей промышленности // Промышленность и торговля. 1917. № 14-15. С. 265-269.
15. Погребинский А. П. Очерки истории финансов дореволюционной России (XIX-XX вв.). М.: Госфиниздат, 1954. 268 с.
16. Промышленность и новые налоги // Промышленность и торговля. 1917. № 24-25. С. 1-4.
17. Утро России. 1917. 2 июля.
18. Утро России. 1917. 6-7 июля.
19. Экономическая программа правительства на московском совещании // Новый экономист. 1917. № 39-40. С. 6-8.

ON PROBLEM OF TAX REGULATION OF THE RUSSIAN ECONOMY DURING THE FIRST WORLD WAR

Ageeva Elena Andreevna, Ph. D. in History, Associate Professor
Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow
Ageeva_Elena_Andreevna@mail.ru

The article considers the problems of tax regulation undertaken by the Russian government during the First World War. Particular attention is paid to changes in the tax policy of the Russian state in income taxation and the taxation of business enterprises profits. The author also analyzes the position of trade and industry circles on the issues of taxation as represented in liberal-bourgeois press.

Key words and phrases: tax policy; The First World War; income taxation; military income taxation; trade and industry circles; liberal-bourgeois press.

УДК [124.5:113]:791

Культурология

В статье исследуется визуальная эстетика мирового кинематографа как художественное пространство, универсальная арт-практика репликации аксиологических доминант культуротворческого универсума космизма. Особое внимание уделяется кинематографу, одной из ведущих характеристик которого является тотальная увлеченность сюжетами на космическую тематику. Вместе с тем, к исследованию привлекаются игровые научно-фантастические и неигровые документальные фильмы, в которых аксиоконстанты космизма используются в качестве художественного приема, способа отображения конкретных проблем и явлений современной культуры.

Ключевые слова и фразы: современная культура; медиакultura; космизм; медиакосмизм; аксиоконстанты; художественное пространство; арт-практика; мировой кинематограф.

Акименко Елена Станиславовна

Харьковская государственная академия культуры, Украина
appassionato@mail.ru

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ АКСИОКОНСТАНТ КОСМИЗМА В АРТ-ПРАКТИКАХ КУЛЬТУРЫ: ПРОЕКЦИЯ В МИР КИНЕМАТОГРАФА ©

Актуальность исследования. Интерес к моделированию конкретно-исторической формы существования аксиоконстант космизма в эпоху интенсивной медиатизации (и сопряженных процессов компьютеризации, информатизации, виртуализации, глобализации, индустриализации) обусловлен, в первую очередь, возрастающей ролью аксиологического измерения мироструктурирующей системы космизма в процессе формирования нового «планетарного» мышления, а также познания окружающего мира с позиций принципиально новых законов космического бытия. Трансформационные изменения, происходящие в разных структурных локусах культуры, позволяют реставрировать забытые страницы философско-культурологической традиции